

Марья Каменская

Пятьдесят лет назад

**Москва
«Книга по Требованию»**

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

(7)

29

Pjat dšyjat lět nazad. Roman
v dvouh častjah.

M. Kamenskaja
Sanktpeterburg 1861

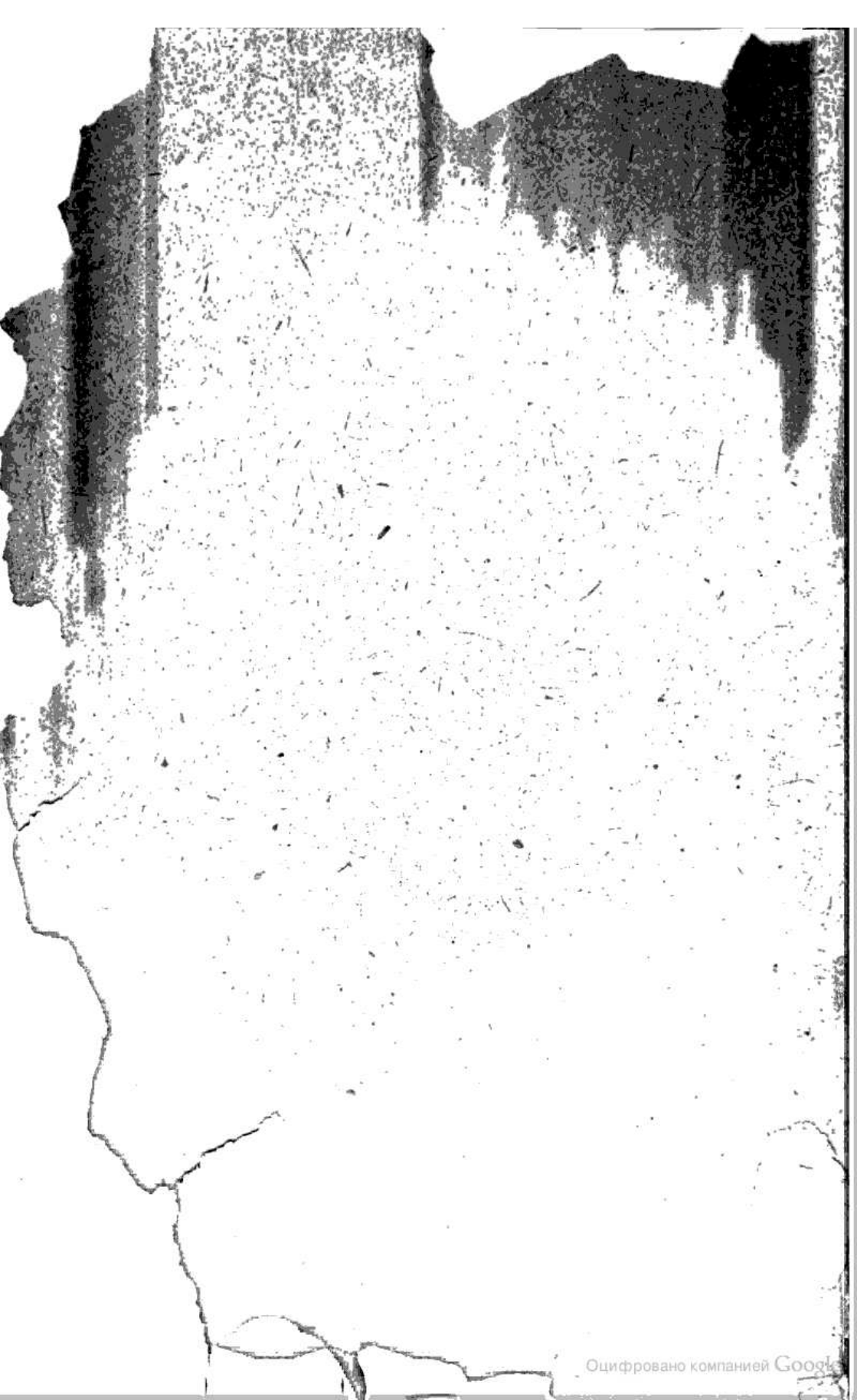
—
Fifty years ago. Novel in two
parts

M. Kamenskaja
St. Petersburg 1861

(Russian - Novel)







(7)

• 705 50 *Закон*

ПЯТЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

М. КАМЕНСКОЙ.

М. Каменской

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. П. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

1861.

10/1 200 4345.1.11.
Harvard College Library
Cambridge
Alexander S. Cummings, Ph. D.
July 1, 1898.

Печатать позволяется
съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Ко-
митетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 20 декабря 1860 года.

Ценсоръ П. Новосильскій.

35, ... исправляю
у Васильевъ
Въ жизни и скрутки
и скорби
Т. 1. 4-й выпуск

ПЯТЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

РОМАНЪ.

Часть первая.

I.

Лѣтъ пятьдесятъ назадъ, въ одномъ изъ домовъ Конюшенной Улицы, въ бель-этажѣ, который занималъ князь Леонидъ Петровичъ Годинъ, въ глухую полночь, когда все кругомъ спало глубокимъ сномъ, въ окнахъ вдругъ замелькали огоньки.

Калитка въ подворотню щелкнула, отворилась: кто-то, закутанный въ шинель, шмыгнувъ изъ нея и побѣжалъ по направленію къ Невскому. Немного погодя, опять выскочилъ мужчина и побѣжалъ въ противоположную сторону, а между-тѣмъ огоньки все быстрѣе-и-быстрѣе мелькали по окнамъ. Наконецъ одинъ изъ нихъ спустился въ корридоръ парадной лѣстницы и тамъ остался.

Видно было ясно, что въ домѣ произошло что-то необыкновенное, и что кого-то ждуть. Немного погодя, отъ Невскаго послышался скрипъ полозьевъ, и сани подкатили къ подъѣзду. Изъ нихъ выѣзла маленькая, толстая женщина, съ большимъ мѣшкомъ на рукѣ; она, уткой переваливаясь, побрела къ дверямъ, которыя передъ ней тотчасъ же и отворились. Спусти нѣсколько минутъ подъѣхали еще двое саней. Изъ нихъ вышли двое мужчинъ: одинъ—сухой, длинный, а другой—маленькій, толстенькій, съ чѣмъ-то подь-мышкой. Потомъ все стихло, умолкло, и въ двухъ только угловыхъ окнахъ остался огонь.

Уже подь-утро парадное крыльцо опять открылось; въ дверяхъ бокомъ показалась длинная фигура. За ней стоялъ еще кто-то въ военномъ сюртукѣ, безъ эполетъ.

— Докторъ, я васъ не выпущу; скажите мнѣ правду, есть ли надежда?

— Гу...мъ, князь, я не Богъ и не могу вамъ ничего сказать... Трудно, очень-трудно, а все-таки молодость можетъ взять свое. Теперь при больной останется Карлъ Карлычъ, а я дежурный, я тороплюсь.

Сказавъ это, докторъ приподнял слегка фуражку, прыгнулъ въ сани и, закричавъ кучеру: «Въ больницу!» скрылся изъ глазъ.

Постоявъ немного въ раздумьи, князь Годинъ повернулся, прижалъ пальцы къ глазамъ и, щелкнувъ ими какъ-то странно, побѣжалъ по ковру лѣстницы.

Войдя въ переднюю и встрѣтивъ тамъ большаго, кудряваго человѣка, князь спросилъ:

— Ну, что? и, не дождавшись отвѣта, началъ пробираться нащипочкахъ по комнатамъ. Пройдя залу и гостиную, онъ остановился у полуотворенной двери въ спальню, изъ которой раздавался крикъ новорожденного ребенка.

Тамъ, на кровати лежала, какъ полотно блѣдная, молодая женщина; казалось, она была безъ чувствъ или въ забытѣи. Докторъ Карлъ Карловичъ, полусидя на краю кровати, держалъ въ одной рукѣ пульсъ больной, а въ другой часы. Дѣвушка терла ей виски и повременамъ давала нюхать спиртъ. Немного поодавъ, у печки, повивальная бабушка мыла новорожденного и очень-громко давала наставленія двумъ дѣвушкамъ, которыя ей помогали.

— Лей, лей, лей! съ головки, съ головки! кричала она во весь голосъ; потомъ подняла малютку къ своему лицу, лизнула его вдоль спины и, укутавъ въ одѣяло, понесла пеленать.

Князь уже стоялъ у кровати, опершись на нее обѣими руками, и глядѣлъ то на жену, то на акушера. Въ глазахъ его было столько вопроса, столько горя, что докторъ, опустивъ тихо руку больной, подошелъ къ нему, обнялъ его и тихо повелъ въ гостиную.

— Князь, будьте же благоразумны! вы на себя не похожи, поберегитесь... Помните, что вы отецъ!

— Такъ развѣ нѣтъ никакой надежды? шепнулъ князь и, какъ ребенокъ, упалъ на грудь доктора.

— Князь, я былъ бы безчестный человѣкъ, еслибъ сталъ обнадеживать васъ. Вы знаете сложеніе княгини, ея молодость... Прежвременные роды всегда опасны, а роды княгини были, къ-тому же, и неправильны. Теперь не скрою отъ васъ: не все еще кончено. Я жду; но если натура не возьметъ свое, чрезъ нѣсколько минутъ я принужденъ буду сдѣлать еще операцію, и тогда... Богъ знаетъ, какъ перенесетъ ее княгиня... Она слаба... Почему вы не пошлете за ея матушкой?

Князь какъ-то судорожно встряхнулся всѣмъ тѣломъ, отеръ глаза, кивнулъ головой доктору и пошелъ въ переднюю.

— Иванъ! сказалъ князь своему камердинеру: — поѣзжай къ матушкѣ. Скажи, что мнѣ Богъ далъ дочь, Елизавету, что княгиня очень-слаба, и что я прошу ее пріѣхать сейчасъ же. Заѣзжай къ батюшкѣ, къ братьямъ. Скажи все... скажи, что я жду ихъ. Скорѣй!

Князь опять-было сталъ пробираться въ спальню, но оттуда послышался глухой, протяжный стонъ. Князь закрылъ лицо руками, вбѣжалъ въ свой кабинетъ и, какъ снопъ, повалился передъ образомъ.

Князь Леонидъ Петровичъ Годинъ былъ человѣкъ лѣтъ около сорока, средняго роста, стройный, ловкій и живой. Черты его лица крупныя, но правильныя, были пріятны. Нѣжный, почти женскій румянецъ всегда горѣлъ на верхней части его щекъ; темносѣрые глаза его смотрѣли то бойко и лукаво, то невыразимо-грустно изъ-подъ длинныхъ, густыхъ рѣсницъ. По лицу князя всегда бѣгала неуловимая улыбка; полнымъ смѣхомъ онъ смѣялся очень-рѣдко; а рассказывая что-нибудь, даже очень-смѣшное, самъ былъ всегда совершенно-серьезенъ, что и придавало особенную прелесть его разсказу. Всегда готовый на шутку, на острое слово, князь никогда въ жизни дурно ни о комъ не говорилъ. Подшучивая въ глаза надъ всѣми, задѣвая стараго и малаго и ловко вывертываясь, онъ не нажилъ себѣ ни одного врага. Любимый товарищами, уважаемый даже начальствомъ, онъ смолоду сдѣлалъ блистательную карьеру. Замысловатый умъ, затѣйливые фарсы князя гремѣли по Петербургу. Служа въ свитѣ государя и находясь при дворѣ, онъ и тамъ былъ точно тотъ же, и тамъ, какъ и вездѣ, ему все прощалось, все сходило съ рукъ. Присутствіе князя, гдѣ бы то ни было, всегда обозначалось раскатами единодушнаго хохота. За нимъ всегда ходило нѣсколько

*

его обожателей, въ ожиданіи, что, вотъ-вотъ, онъ выкинетъ какую-нибудь штуку...

Князь Годинъ былъ женатъ на дѣвицѣ Рытовой. Совершенно счастливо прожилъ онъ два года съ своей женой, и вдругъ, неожиданно, его постигло страшное горе: княгиня разрѣшилась преждевременно дочерью и была безъ всякой надежды.

На другой день, часовъ въ шесть вечера, около подъѣзда князя опять стояло нѣсколько экипажей; окна залы были завѣшаны, изъ подъѣзда вышли попы. Въ гостиной, на диванѣ, сидѣла заплаканная генеральша Рытова, мать княгини, и, ломая себѣ руки, что-то причитала. Въ углу тихо плакали двѣ женщины: одна—высокая, стройная, лѣтъ девятнадцати, прелестная собою; а другая—маленькая, худенькая, съ умными голубыми глазами. Это были княгиня Софья Ѳедоровна Година, жена меньшаго брата князя, и сестра его Глафира Петровна. Старый князь Годинъ сидѣлъ у окна. Сыновья его, Леонидъ, Андрей и Юлій, стояли передъ нимъ и тихо о чемъ-то толковали между собой. Въ полуоткрытую дверь залы слышалось однообразное чтеніе псалтиря. Тамъ, на столѣ, лежала скончавшаяся къ утру княгиня Година. Остальными гостями, какъ обыкновенно бываетъ въ этихъ случаяхъ, никто изъ хозяевъ не занимался. Мужчины, составивъ небольшую группу, весело разговаривали о новостяхъ Европы, а дамы, окруживъ молодую княгиню Рѣдкину, двоюродную сестру князя, повертывали ее кругомъ и разглядывали ея дорогой черной кружевной палатинъ.

— Что дѣлать, другъ мой Леонидъ? говорилъ старый князь, взявъ руку своего сына:—всѣ мы подъ Богомъ... Покорись его святой волѣ. У тебя осталась дочь—и за то возблагодари Господа Бога. Теперь нѣчего дѣлать, слезами не воротишь, только себя убьешь. Да и ей, моей голубушкѣ (при этомъ старый князь заглянулъ въ залу), тяжки твои слезы. Что тутъ плакать? Не плачь... не плачь... человекъ земля былъ—земля и будетъ... Положенъ предѣлъ, его же не перейдешь. Ей тамъ хорошо; мы съ тобой, братъ, тамъ не будемъ. Ты теперь береги себя для дочери. Чѣмъ она виновата, что Господь тебя постигъ? Вотъ я тебѣ что скажу: ты мужчина, служащій, должностной. Нельзя же тебѣ все съ ребенкомъ сидѣть—чего и не доглядишь; а на людей полагаться нельзя. Мой бы тебѣ отцовскій совѣтъ: отдать дочку къ брату Юлію; тамъ моя добрая невѣстушка, Софья Ѳедоровна,